студенты должны получить **знания**: об основных приемах работы с книгой, психолого–педагогических основах их выделения и применения в процессе чтения; о методике обучения младших школьников пониманию текста; о формах использования данной методики на уроке и во внеклассной работе. Студенты, прослушавшие спецкурс, должны **уметь** применять приемы понимания к конкретному тексту, составлять задания по обучению приемам работы с книгой, подготовить тематическое планирование и конкретный урок с использованием методики обучения пониманию текста.

На новом этапе исследования предполагается создание психологически обоснованных рекомендаций по использованию методики обучения пониманию текста с учетом форм организации учебного процесса, типа учебного заведения; разработка способов организации учебной деятельности, позволяющей обеспечить преемственность в подготовке учителя к обучению приемам понимания текста от начальной к средней школе; создание комплекса учебно–методических материалов для учителя.

¹ См.: Граник Г. Г., Бондаренко С. М., Концевая Л. А. Когда книга учит. М., 1988; Они же. Как учить работать с книгой. М., 1995; Они же. Дорога к книге. М., 1996.

² См.: Граник Г. Г., Соболева О. В. Путешествие в Страну Книги: Учеб. пособие по лит. чтению: В 4 кн. М., 1998; СПб., 2003; Они же. Путешествие в Страну Книги: Метод. пособие по лит. чтению. СПб., 2003.

³ Соболева О. В., Дыбленко С. А. Обучение диалогу с текстом: Взгляд психолога и взгляд учителя // Начальная школа плюс До и После. 2002. № 8. С. 18–22; Соболева О. В., Боева В. Н. Путешествие фантазеров в Страну Книги: Метод. рекомендации по факультативному курсу в начальной школе. Курск, 2002; Граник Г. Г., Соболева О. В. Путешествие в Страну Книги: Метод. пособие по лит. чтению.

Л. П. Егорова, А. А. Фокин

ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (Антропоцентрический аспект)

В наши дни литературоведческая интерпретация осознается как магистральный путь науки о литературе. Становится очевидной подчиненная функция литературоведческого анализа, призванного обеспечить максимальную объективность интерпретации

текста. Предпринятое литературоведами Ставропольского государственного университета исследование позволит углубить теоретические основы интерпретации как категории литературоведения, рассматриваемой в антропоцентрическом аспекте, и дать системное описание процессов интерпретирования литературных явлений. Ученные разрозненные публикации отечественных и зарубежных литературоведов по частным вопросам интерпретирования художественного текста тем самым выводятся на новый уровень антропоцентрической парадигмы современного литературоведения.

Рассмотрение теории интерпретации в антропологическом аспекте позволяет считать основными для современного литературоведения следующие параметры:

- философско-углубленное понимание самой проблемы антропоцентризма (философской концепции человека) в контексте всего пласта культуры конца XIX–XX в.;
- возрастание роли субъекта научного исследования – интерпретатора художественного текста – и фактов литературной жизни, что определяет выбор наиболее оптимальных методов исследования и подчеркивает приоритет литературоведческой интерпретации;
- качественно иной взгляд на объект исследования – художественное произведение, при котором актуализируется такая категория, как субъект художественного текста; анализ всех остальных литературоведческих категорий (важнейших и самодостаточных при других исследовательских парадигмах) подчиняется задаче интерпретирования художественной концепции человека;
- переакцентуация интерпретативной поэтики в целях: а) ее соответствия антропоцентрической парадигме, б) максимального раскрытия авторской позиции, в) создания “антропологической” поэтики.

Таким образом, интерпретация раскрывается как феномен антропоцентрического литературоведения, благодаря чему выделяются дополнительные специфические ее характеристики. Процесс интерпретирования, ментальности на материале литературных образов протекает, в основном, на трех уровнях: 1) индивидуального творчества; 2) эпохального диалога; 3) в историческом и историософском диалоге. (Два последних уровня рассматриваются в аспекте историко-функционального изучения литературы.)

Первостепенной задачей на этом пути становится выявление потенциала междисциплинарных связей в процессе интерпретирования художественного текста. Общеизвестно современное

философское обоснование интерпретации в трудах Г. Гадамера, П. Рикера (с учетом классического наследия герменевтов XIX в.). Мы считаем необходимым опираться и на разработанную М. Хайдеггером концепцию *Dasein*. В результате выстраивается троичная структура процесса понимания смысла художественного текста, соответствующая в феноменологической трактовке восприятия предмета понимания как наличествующего *здесь и сейчас*. *Dasein* всегда существует не как объект, а как субъект; оно воплощает отношение к бытию (личному бытию) в пространстве человеческого измерения. Понятием *Dasein* обозначается понимание самого себя в своем существовании.

Временной опыт существования дает человеку право ощущать себя носителем *Dasein* и давать свои ответы бытию в свете собственной парадигмы, но, вступая в субъект-субъектные отношения, он (в данном случае мы имеем в виду интерпретатора-литературоведа) выступает как субъект, непрерывно выходящий вовне себя в открытость бытия, присваивающий себе то, что живет в художественном творении. (Конкретные ситуации человеческой жизни, представленные в художественных образах самого разного уровня и прежде всего в гештальтах – пространственно-наглядных образах, фрагменты которых определяются целым, обнаруживая непрерывное присутствие бытия.)

План смысла и предметно-фактическое существование непрерывности эстетической реальности выступают в своей онтологической сущности, не зависящей от предшествующих интерпретаций: каждый последующий интерпретатор существует "здесь и сейчас". Наглядность и эмоциональная воздейственность произведения искусства в сравнении со сферой практического действия или отвлеченно-интеллектуальной деятельностью, как утверждают психологи, представляют собой фактически только то, что способно производить на нас впечатление, непосредственно затрагивать нашу собственную сущность.

Опираясь на структурные модусы художественности, выявляющие авторскую парадигму, интерпретатор в качестве вопрошающего субъекта присваивает себе "понимающее сущее" авторского творения, самоопределяется в бытии-в-мире, расширяет свою возможность быть открытым миру, проживать не одну свою жизнь, а тот неограниченный круг "жизней", который открывается интерпретатору художественной литературы и который фактически становится его собственным бытием. (Понимание бытия, по Хайдеггеру, есть непосредственное знание о собственном бытии.)

Постигаемый через авторскую парадигму смысл художественного творения становится предметом рефлексии интерпретатора-литературоведа, который предлагает уже свою, понятийную интерпретацию. Он стремится приблизить ее к адекватности интерпретации художественной, но не ограничивается этим, преодолевая временные ограничения функционирования произведения, что особенно заметно на произведениях удаленных от нас веков.

Актуализированная в последние годы антропоцентрическая парадигма ставит литературоведение перед необходимостью более глубокого изучения субъектной структуры художественного творчества и создания антропологической поэтики.

Истоки теории субъекта просматриваются уже в трудах Платона и Аристотеля. В средние века понимание субъективности не выходило за рамки религиозной догматики. На закате средневековья и в эпоху Возрождения пробуждается ощущение "Я" совсем иного рода. Человек становится важен себе самому; "Я", и в первую очередь незаурядное, гениальное "Я", становится критерием ценности жизни. Личность-субъект характеризуется "подлинностью" и "цельностью". Субъективность проявляется прежде всего как "личность", как образ человека, развивающегося на основе собственных дарований и собственной инициативы. Как и природа, личность стала пониматься как нечто первичное; и этот критерий, открытый на примере незаурядного человека, переносится затем на человека вообще. Если представление личности в эпоху Возрождения исходит из оригинальности живого индивидуального бытия, то теоретическим обоснованием представлений о личности становится понятие "субъект" — носитель значимых действий, а также единство определяющих эту значимость категорий, что получило отражение в философии Канта. Для него субъект автономен, самостоятелен и воплощает собой смысл духовной жизни.

В эпоху классицизма и даже романтизма сложившаяся субъектная парадигма поэзии лишь углублялась, обогащаясь идеями о "внутреннем мире", "внутреннем человеке", единичном и индивидуальном, особенном. Все, что может быть выведено из личности, или субъекта, признается окончательно понятным; всякое действие, поскольку оно сообразно личности, оправданно — аналогично тому, как природа стала источником познания, а естественность — ценностным критерием. При этом личность и субъект сами так же непостижимы до конца, как и природа.

В эпоху реализма творчеству эстетических форм предпочиталось творчество самой жизни, жизнетворчество, социальное и

историческое творчество (в принципе художнику как таковому вовсе и не свойственное). Субъект из творческой, созидательной личности становится средством преобразования реальности. Появляется и абрис "нового" типа субъекта художественного творчества – вторгающегося в действительность с тем, чтобы преобразовать ее в соответствии со своим художественным замыслом. Реалистическая идея преобразования жизни приводит, однако, к тому, что в субъектной организации целого ряда художественных произведений субъекты речи то и дело оказываются субъектами сознания и наоборот; формально-субъектная организация произведений подменяется содержательно-субъектной организацией и как бы "растворяется" в последней. В результате граница между субъектами речи и субъектами сознания размывается. Порой возникает вопрос: одно ли в тексте сознание, выражающее себя в разных субъектах речи, или один субъект речи, соединяющий в себе различные сознания, или это даже постоянно воспроизводимый переход субъекта речи в субъект сознания и наоборот, – своего рода "мерцание" разных типов художественно-поэтической субъектности, колебательные движения авторской точки зрения между двумя своими ипостасями? Рассуждая с позиций художественного опыта XX в., можно сказать, что реалистическая, принципиально обманчивая, "двойственность", неопределенность субъекта сознания/речи, воспроизводящая неуправляемый поток сознания человека, жаждущего преобразования жизни, во многом предопределила субъектную структуру литературы авангарда, абсурда, отражающих сюрреализм жизни.

Обзор формирования субъектной парадигмы обнаруживает две, казалось бы, несводимые воедино ее ветви – философско-теоретическую и поэтическую. Действительно, как только процесс познания сводится к философии субъекта, из поля зрения выпадает субъектная структура художественного текста; и наоборот, как только речь заходит о субъекте литературном, философское его понимание уходит на второй план, и определение субъекта дается с позиций философии языка и речи. Свести две эти парадигмы в одно целое и есть главная задача антропологической поэтики.

Почему именно поэтики? Потому что именно в задачи поэтики входит изучение совокупности всех эстетически необходимых и исторически обусловленных форм воплощения субъекта (и познания, и речи); изучение совокупности этически и эстетически значимых форм композиции, фабулы и сюжета, стиля и т.д.,

как средств обращения субъекта к субъекту. Почему именно это поэтика антропологическая, а не историческая, как предлагает ряд современных литературоведов? Потому что она исходит не столько из исторической имманентности той или иной эпохи, от чего, собственно, и отталкивается в своем определении исторической поэтики А. Н. Веселовский, сколько из имманентности субъекта (личности) в историческую эпоху.

Обозначенная парадигма субъекта в антропологической поэтике, сквозь призму которой мы предлагаем интерпретировать художественный текст, в первую очередь особенно важна при изучении русской поэзии конца XX – начала XXI в. Пафос современной поэзии – в стремлении субъекта постичь себя онтологически, через сжимание (сжатие) "Я" в предельную эгоцентрику и одновременно в предельную всеобщность. Реализация такого постижения может быть осуществлена только поэтически, на чем настаивал еще М. Хайдеггер. И поскольку поэзия – это искусство именованья, схема субъектной структуры (предложенная еще П. А. Флоренским и развитая другими отечественными философами), она представляется на сегодняшний день наиболее адекватной для описания сути "онтологического субъекта" в новейшей русской литературе.

На современном этапе развития филологии новая социокультурная ситуация, когда на первый план выдвигаются антропоцентрические концепции, обязывает не только литературного критика, но и литературоведа к личному переосмыслению текста и многих привычных понятий и положений, таких как исторически конкретное и вечное, национальное и общечеловеческое, нравственные ориентиры индивида и общества и т.д. Разрабатываемый проект позволит вооружить литературоведов новой стратегией интерпретации художественных текстов.

А. С. Кравец, С. В. Канькин

ТЕКСТ И ЕГО ПОНИМАНИЕ

Современное философское знание в полной мере отражает переходный характер социокультурной ситуации нашего времени. На протяжении последних полутора столетий отчетливо наблюдается смещение философии от парадигмы классической метафизики, столпами которой были вечные вопросы о подлинном